

Т.Д. Суходуб

В политическом самосознании новообразованных славянских государств такой проблемы не существует. Не признают её и национально-патриотические движения во всех этих странах, для которых весьма характерна позиция: "Чи є проблема з національною самоідентифікацією? Ні, всі ми знаємо, що ми - українці..." /х. "Сучасність", 1993, № 10, с.94/ и т.д.

Однако процесс идентификации имеет два уровня: личностное, глубоко индивидуальное, самоопределение и коллективное, родовое, партикулярное, коммуноторное, политическое определение, связанное институционально с определённой традицией народного бытия и быта. Взаимосвязь этих процессов отнюдь не означает тождественность их.

Выбор в первом случае есть путь от всеобщего к индивидуальному, где "родовое начало" - одно из многих условий восхождения к себе, обретения своего культурного лика. Индивидуальный выбор лица /образ личности/ рождается скорее не благодаря, а вопреки "родовому" началу, является выходом за границы коллективности. Во втором случае индивидуальное рассматривается лишь как частное проявление трактуемого универсально родового начала, воспроизводящее природу коллективности /лицо есть образ рода, т.е., личина, маска всеобщего/.

Игнорирование специфики этих двух форм идентификации, отождествление их характерно фактически для всех постсоветских стран. Власть абстракции, идеи, идеологии, исторического "призвания" общности - по-прежнему всеобщая власть, подменяющая человека историей или общностью, в которые он должен вписаться. Право на автономную "историю" личности, независимую от институциональных форм, как право на приоритет, выбор неколлективного, неполитического, неисторического, ненационального бытия, а, следовательно, и самоопределения, по-прежнему отсутствуют.

Но личность не подпадает в своём самоопределении под всеобщие /институционные/ нормы. Формы соотнесения своего "Я" со всеобщим /Бог, мораль, нация, человечество, универсум/ - тайна, как и всякое чувственное переживание своей принадлежности к той или иной актуальной коллективности /традиции семьи, рода, нации, страны/. "Болезнь" отождествления коллективных и индивидуальных форм культурного бытия имеет идеологические корни, прорастающие в про-

цессе подмены национальной культуры /во всех её формах и исторически сложившемся многообразии/ этнической; требования аутентичной, соответствующей "подлинному" национальному началу культуры и вытеснением всех других, не подпадающих под канон, форм, хотя цивилизованной нормой отношения к культурным явлениям было бы сохранение всего её многообразия и поддержка слабейшего. На пути движения к новому, а главное - более "правильному" идеалу вновь наблюдаем торжество идеологического разума.

"Новизна" этого процесса заключается лишь в критериях отбора, а основанием служит политическая потребность в глобальной социализации масс на новом идеологическом основании. Было бы великолепно, если бы культура полностью соответствовала идеологическим претензиям государства и совпадала бы с его границами, а национальное и личностное можно было бы отождествить без значительной доли лукавства. Но, увы, личная чувственно-волевая жизнь расходится с политическими /сверхличными/ целями именно потому, что культурное бытие невозможно подменить или исчерпать политической, национальной, государственной историей, претендующей в переходные, революционные периоды на роль абсолюта и потому подминающей личностные судьбы, биографии, призвания, смыслы жизни.

Явления культуры эпохальны и региональны - игнорирование этого факта, попытка привести к одному основанию путём запретов и разрешений, деления на "своё" и "чужое", "наше" и "ваше" обречены, однако революционный пафос такой позиции далеко не исчерпан, ибо мы никак не научимся уважать жизнь во всех её близких нам или чуждых формах.

Тенденция размехивания славянской привела к определённым парадоксам в понимании отечественной культуры в постсоветских славянских государствах. Так, допустим, традиция русского религиозно-философского ренессанса в какой-то момент оказалась "чуждой" традицией, чуждой духу украинства, несмотря на то, что восточно-славянский мир идентичен в понимании софийности мира, мудрости как жизни в истине-правде, символического раскрытия мира как "Божьей книги" и стремления к целостному мировосприятию, которые переплавились в этой школе в теорию философии и составили особенность восточно-славянской историко-философской традиции. Такие парадоксы - результат ориентации в понимании культуры исключительно на общие начала, к тому же этнически понимаемые, и почти полное игнорирование роли индивидуальных оснований культуры или превратное их понимание индивидуальное - часть общего/. Не в этом ли - начало утопизации понимания ?